

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Кусатель ворон / Эдуард Веркин. — Москва :
Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-091925-3

Эдуард Веркин – один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэдбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

Роман «Кусатель ворон» поначалу строится как классическая «роуд стори»: приключения подростков во время путешествия по Золотому кольцу. Но постепенно одно происшествие за другим вскрывают привычную им реальность. Мир перестает подчиняться правилам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091925-3

© Веркин Э., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Золотое кольцо

ГЛАВА 1

«Turistas! Go Home!»

Тег «Культура».

Сидеть бы мне дома, так нет, потащился.

Сидеть бы мне дома, июнь к концу, вот-вот колосовики пошли бы, и рыба, не размякшая от пришедшего зноя, ещё клевала, и вообще — жизнь! Так нет, потащился.

Зачем?

Амбиции. Гордыня. Зависть. Возжелал плюнуть ближнему своему в физиономию лица его. Возжаждал возвыситься и вознестись, чтобы все ко мне приходили, а я им в глаза показывал бы кукиш и громко хохотал с превосходством, ну, это если совсем по-простому объяснять. Как-то так.

— Как-то так, — сказал Жмуркин и достал из кармана пистолет.

Вот уж такого от него точно не ожидал. Пистолет... Зачем ему пистолет?

Ну да. Амбиции, гордыня, в глаза плевать, перстень целовать, понятно. Это же Жмуркин, он же всегда такой.

Жмуркин ухмыльнулся.

Художники настороженно переглянулись. Не ожидали, конечно, не ожидали, я сам не ожидал.

Пистолет.

Бомм!

Такой долгий протяжный звук, бронзу опять дёрнули за язык, малиновый звон поплыл, хотя и полдень. В церкви звонили, в самой известной, в покосившейся, как Пизанская башня, красиво так звонили. И вообще тут красиво, горка, горки, трава, Волга, теплоход тащится справа налево, а на другом берегу уже Кострома со своей дичью, и вообще благодать. Тощий чугунный Левитан, широкий бронзовый Шаляпин взирают на скучных потомков с послеобеденной приветливостью... Зачем тут пистолет?

Зачем вообще всё это? От Дитера не ожидал, если честно. Пятахин да, ходячий трабл-генератор, ну, Лаурыч тоже, мог вполне с дебаркадера в водоросли свалиться, Иустинья опять же с утра подозрительно глазками поплёскивала... Но Дитер? Дитер-Дитер.

Немец.

Живописец.

В конце концов, инвалид.

И на тебе, учудил.

Вот и верь после этого.

— Ну, что, рембранты, стоит вам отступить, пожалуй, — посоветовал Жмуркин. — И вон по той каменистой тропинке прямо под горку, под горку, ножками, там прекрасная чайная с бесплатным лимоном. Выпейте чаю, поспорьте о Малевиче, я, право, оплачу...

Жмуркин достал пятьсот рублей, скомкал, швырнул в сторону живописцев.

Это он зря, подумал я. Художники — народ третейный, побьют. Ладно нас, мы люди русские, привычные, но ведь и Дитеру отсыпется. В обязательном порядке, по щам его по бестолковым. А это международный скандал, между прочим.

Я представил заголовки в какой-нибудь там «Зюддойче Цейтунг».

«Русские ортодоксы избивают малолетних туристов-инвалидов».

«Русское brutальное насилие над юношей из Бохума».

«Загадочного русского душа» — это не в тему, но красиво.

— Бегите, пока я добрый, — продолжал Жмуркин. — А то как-то некрасиво, я в Дантесы не записывался...

— А мне вот кажется, мы сейчас надаём вам по морде, — перебил Жмуркина предводитель художников Ривейра. — Пистолетик-то у тебя игрушечный.

— Игрушечный? — Жмуркин ухмыльнулся роковой улыбкой уездного монте-кристы. — Ну ладно, сейчас вот мы и посмотрим...

Жмуркин выстрелил. Невысокий художник в коротких шортах подпрыгнул и ойкнул, оранжевая пластиковая пуля укусила его в ляжку, отскочила в траву.

— Я же говорил — игрушечный! — ухмыльнулся главный рембрант. — Ну, всё...

— Стоять! — рывкнул Жмуркин начальственно. — Кто не хочет провести чудный вечер в обезьяннике — стоять!

Но обезьянником живописцев было не испугать, они дружно шагнули к нам и стали нас бить. А началось всё более-менее прилично, во всяком случае, утром ничего беды не предвещало.

Въехали в Плёс часов в десять, остановились на высоком берегу с видом на заводь, Жмуркин велел Штурмгеботу бросать якорь, сам взял автобусный микрофон и прочитал непременно лекцию, которую я, разумеется, вкратце записал, историческую такую.

— Это Плёс, старинный русский город, — рассказывал Жмуркин. — Тут течёт великая русская река Волга. Раньше на этом месте устраивал свои засады известный русский разбойник Степан Разин...

— Тёзка! — не преминул вставить Пятахин.

Хотя Пятахин не Степан, он Влас, впрочем, он сам, наверное, не разбирает.

— Некоторые считают, что именно здесь атаман спрятал своё золото и утопил пресловутую персидскую княжну.

— Что? — переспросила у меня Александра.

— Подружку свою затопил, — пояснил я. — В реке. Вот прямо здесь.

— Зачем? — удивилась Александра.

— Загадочная русская душа, — сказал я. — А вообще, она слишком много знала.

— Как его звали? Стефан?

— Стефан, Стефан, — подтвердил я. — Стефан Разин-Беобахтер, олдест рашн диссидент.

— О, — восхитилась Александра и записала данные Разина в планшет.

— Кроме того, здесь жили и другие выдающиеся русские люди, — продолжал лекцию Жмуркин. — Шалапин — известный бас-виртуоз, Левитан — он нарисовал «Над вечным покоем». Сюда частенько приезжал Чехов, отдохнуть на воды после московских премьер.

— Сам Чехов? — заинтересовалась Александра. — «Чайка»?

— Сам Чехов, — подтвердил я. — На дачу. Вон там. Я указал куда-то пальцем.

— Это вообще очень популярный город, русский Баден-Баден, — прошептал я. — Жаль, что мы тут всего лишь на день. Кстати, Дитеру будет здесь особенно интересно — сюда со всей России на этюды съезжаются художники...

Жмуркин пронзил меня взглядом, я замолчал, не стал мешать, и Жмуркин закончил мини-лекцию:

— Одним словом — это прекрасный маленький городок, где отдыхает современная российская элита, куда приезжают поэты и художники-авангардисты... Сейчас небольшой завтрак, а потом до трёх часов можете осматривать памятники истории. Волга, кстати, тёплая, вон там справа есть цивилизованный пляж, кто желает, может окунуться. Лаура Петровна, кофе, пожалуйста.

Жмуркин повесил микрофон на крючок.

— Художники-авангардисты? — переспросила Александра.

— Они рисуют гвоздями, — на всякий случай ответил я.

Лаура Петровна разогрела кофе и настругала традиционных бутербродов — чёрствый батон и кру-

гляки жёсткого сервелата; как ни странно, бутерброды ели все, включая немцев, а я в очередной раз убедился, что в мире есть много удивительного. Вообще, по плану у нас был завтрак в прибрежном кафе, но мы решили времени не терять, Жмуркин раздал суточные, после чего господа путешественники отправились грабить город и бесчинствовать в нём же.

Первой, разумеется, Лаура Петровна. Она поправила причёску, украсила себя золотом и бижутерией, опрыскалась дезодорантами и лаком, прихватила под мышку Лаурыча и стала спускаться на город неудержимой лавиной, сверяясь с картой и указывая Лаурычу на вырастающие из зарослей сирени достопримечательности прежних веков.

За Лаурой Петровной потянулись немцы, но не вместе, а порознь: сначала Дитер с пластиковым мольбертом, за ним Болен с рюкзаком — лично я подумал, что там у него акваланг, вряд ли Болен пропустит возможность нырнуть в Волгу, потом в своей Тюрингии расскажет, что был в Сталинграде.

За Боленом шагала задумчивая Александра. Я хотел было её догнать, рассказать что-нибудь о русской истории, о Левитане и левитации, и вообще, как-никак Плёс, золотой век империи и всё такое, но Жмуркин меня задержал. В итоге за Александрой поплёлся унылый Гаджиев. Не знаю, с чего он опять пребывал в унынии, возможно, его степная душа тосковала по прежнему. По степям, камышовым плавням, кумысу, лихим посвистам и резвым аргамакам, по тому времени, когда Волга была не Волга, а во все Итиль, поток, стремящийся в небесное царство,

а здесь, на месте нынешних буржуйско-купеческих домиков ломился какой-нибудь караван-сарай, он ведь наверняка куда-нибудь ломится. Грустный, короче, Гаджиев был.

Снежана и Листвянко, конечно же, взялись за руки и пошлёпали в город беззаботно, смеясь и фотографируя друг друга на мобильники, я им позавидовал, всегда завидуешь счастливым, главное, чтобы прыщи от счастья не повыскакивали.

В город отправились и баторцы, Рокотова и Герасимов. Эти шагали неуверенно, испуганно озираясь и непривычно оглядываясь на простор и волю.

Иустинья Жохова никуда не пошла, осталась в автобусе и принялась упражняться духовными упражнениями, читать книги, сразу две, левой рукой толстую чёрную и тонкую белую правой, и выписывать из них в блокнот важное, праведные мысли, наверное. Под голову положила бордовую подушечку, явно собственноручно вышитую спасительными псалмами.

Ну и шут с ней, будет кому автобус посторожить: придут местные бандитос, увидят Иустинью и передумают нас грабить. Глядишь, ещё и сама парочку гангстеров в свою секту завербует.

Последним собрался Пятахин, зачем-то надел расклешённые джинсы и белую футболку, а еще с удовольствием посадил на пояс довольно пухлую борсетку и пальцем по ней прищёлкнул. Однако надеждам, отражавшимся в его лице, не суждено было сбыться.

— Пятахин! Ты идешь с нами.

Сказал Жмуркин. Неожиданно Пятахин покорно кивнул.

— Подожди снаружи, — велел Жмуркин. — Мы сейчас.

Пятахин послушно выбрался на воздух, стал прохаживаться вдоль автобуса, хрустя шеей и пощупывая себя за борсеточный бок.

— И зачем? — поинтересовался я. — Зачем он нам нужен?

— Этого остолопа одного нельзя отпускать, — ответил шёпотом Жмуркин. — Утонет, под лошадь попадёт, расстегаясь подавится, сам ведь знаешь, а мне потом отвечай. Держи врага под боком, а дурака ещё ближе. За пряниками пошлём, если что. Ладно, пойдём. Жохова, ты остаешься?!

— Безусловно, — ответила Жохова.

— Да я ей принесу косточку, — сказал Пятахин снаружи.

Жохова прокляла его дистанционно.

Я прихватил камеру и бук, и мы отправились в Плёс.

Жмуркин не искал лёгких путей, вместо того чтобы спускаться в город по главной широкой улице, мы двинулись какими-то древними крутыми тропами, сложенными из пузатых гладких булыжников, отполированных временем до блеска и весьма скользких. Возможно, по этим самым тропам некогда бродил в творческом кризисе Шаляпин, поскальзывался и оглашал могучим басом окрестности. Или Левитан поскальзывался и оглашал окрестности могучим фальцетом. Или, допустим, Чехов поскальзывался... Про Степана Разина молчу.

Поскользнулся и Пятахин, и, как и полагалось, огласил окрестности. А потом сказал:

— Я, кажется, сломал копчик.

— Не переживай, Влас, это случилось ещё пятнадцать лет назад, — успокоил Жмуркин.

— Как это?

— При рождении. Поднимайся, держись бодрей.

— Я не могу бодрей, у меня копчик...

Жмуркин плюнул и двинулся дальше, я за ним, Пятахин немного посидел, постонал, потом нас, конечно, догнал.

Дорожка кончилась, мы оказались на совершенно милой улочке, сохранившейся, на мой взгляд, в полном соответствии с девятнадцатым веком — никакого асфальта, кривизна, деревянные заборы, канавы, репы и тишина, а в канавах, наверное, безнадежно дохлые собаки. Я сфотографировал избушку с наличниками, а затем поистине сказочный *sortir* в зарослях рябины, рядом с избушкой шоплю наших серьезных немцев, рядом с сортиром...

Ещё подумаю кого.

— Деревня какая... — критически плюнул Пятахин. — У меня и то дом из кирпича...

— Тёмная ты личность, Пятачок, — сказал Жмуркин. — Этот утлый клозет гораздо дороже всего твоего особняка.

— Почему это?! — оскорбился Пятахин.

— Потому что от этого сортира до дачи премьеры всего три километра по прямой, тут недвижимость дороже, чем в Лондоне. Это, возможно, самый дорогой сортир во всей России. А может, и во всём мире. В нём, может, сам Шалапин...

Пятахин поглядел на будку уже с заметным уважением и изъявил желание учреждение немедленно